

М.А.Краснов

СМЕШАННАЯ МОДЕЛЬ: МАКС ВЕБЕР И РЕАЛЬНОСТЬ

Михаил Александрович Краснов — доктор юридических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: mkrasnov@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу полупрезидентской, или смешанной, модели (системы) власти. Особый интерес к подобной конструкции не в последнюю очередь обусловлен тем, что она создает благоприятные условия для авторитарной эволюции. Конечно, авторитарный режим может сформироваться и в президентской, и в парламентской моделях, но полупрезидентская содержит гораздо больший потенциал для такого развития событий. Основной ее порок состоит в том, что президент нормативно как бы ставится над всеми институтами власти, но при этом сохраняет prerogatives, не позволяющие ему оставаться политически нейтральным. Такое положение президента в системе власти искажает его политическую самоидентификацию. Он начинает воспринимать себя в качестве аналога абсолютного монарха и легальными способами монополизирует власть.

Одним из отцов смешанной модели был Макс Вебер, чья идея плебисцитарного президента положила начало становлению новой разновидности республиканской формы правления, впервые закрепленной в Конституции (Веймарской) Германии 1919 г. В связи с этим автор внимательно рассматривает концепцию Вебера, его роль в разработке Веймарской конституции, а также сравнивает его взгляды с нормативной моделью, нашедшей отражение в этой Конституции. В статье показано, что хотя Веймарская конституция восприняла не все установки Вебера и гораздо дальше отделилась от модели президентской республики, основные веберовские идеи вошли в нее в виде некоторых норм. В заключительной части статьи приведен ряд критических соображений относительно отдельных положений веберовской концепции и веймарской конструкции власти.

Ключевые слова: смешанная модель, президентская республика, парламентская система, Веймарская конституция, плебисцитарный лидер, авторитаризм, Макс Вебер

**Место рождения —
Веймар**

В юридической компаративистике выделяются три формы правления, которые точнее именовать системами или моделями власти:

президентская, парламентская и полупрезидентская, или смешанная. Последняя (к ней нормативно относится и современная Россия) впервые была закреплена в Конституции (Веймарской) Германии, вступившей в силу 14 августа 1919 г., а через год — в Конституции Австрии, но получила такое название лишь через несколько десятилетий — после принятия Конституции Франции 1958 г.¹ Данная модель называется смешанной потому, что соединяет в себе институты президентской и парламентской систем. На это обращал внимание еще Карл Шмитт, писавший, что Веймарская конституция ввела «элементы президентской системы наряду с подобной чисто парламентской системой»².

Не все, правда, согласны с тем, что родиной этой модели является Германия. Например, Антон Варнавский полагает, что ее аналог существовал еще в Римской империи эпохи принципата, а «организация власти при различных бонапартистских режимах, прежде всего режиме первого консула», вполне может рассматриваться в качестве прямой ее предшественницы³. Однако даже если в упомянутых случаях и были схожие с полупрезидентской моделью элементы, не следует забывать, что речь идет о разных концепциях, предполагающих и разные принципы властной конструкции. Согласно другому мнению, приоритет имеет Конституция Финляндии, принятая 17 июля 1919 г.⁴, то есть на месяц раньше Веймарской. На самом же деле эта Конституция закрепила президентскую модель, хотя и с серьезными особенностями. Только с принятием Конституции 1999 г. Финляндия стала полупрезидентской республикой. Еще более популярна точка зрения, связывающая рождение смешанной модели с Конституцией Франции 1958 г.⁵ Но это, так сказать, аберрация исторического зрения, вызванная, скорее всего, тем, что после принятия Конституции Пятой республики в научном обороте утвердились термины «полупрезидентская, или смешанная, республика» (модель, форма правления), и многие государства, в конце XX в. принявшие смешанную модель, ориентировались именно на Францию.

Ввиду гибридного характера смешанной модели появилось множество ее вариаций, различающихся между собой прежде всего институциональной силой президента, которая в свою очередь обусловлена степенью его воздействия на исполнительную власть. Поэтому, кстати, среди исследователей существуют огромные расхождения при квалификации государств со смешанной моделью. Одни склонны относить полупрезидентские республики к не очень сильной фигурой президента к парламентским⁶. Другие (причем не только политологи, но и юристы⁷), «вдохновленные» могуществом президента, говорят о суперпрезидентской модели. Третьи выделяют две самостоятельные формы правления: президентско-парламентарную и парламентарно-президентскую⁸ (а некоторые еще и премьерско-президентскую⁹). Однако, хотя институциональная сила президента действительно варьирует от страны к стране, найти формальные индикаторы, позволяющие отличить одну модификацию смешанной системы от другой, невозможно. А главное, в основании любой модификации лежит общая для всех них «философия».

¹ В литературе отмечается, что терминологически эту модель стали выделять еще до принятия Конституции Пятой республики (см. Слеженков 2020: 17—18).

² Шмитт 2010: 171.

³ Варнавский 2010: 102.

⁴ См., напр. Зазнаев 2007: 102; Шаблинский 2020: 23.

⁵ См., напр. Чиркин 2010: 86; Варнавский 2010: 102—103.

⁶ См., напр. Linz 1990: 52; Мейн-варинг 2006: 223; Слеженков 2020: 17.

⁷ Напр. Алебастрова 2023: 15, 33, 40; Тебаев 2023: 10.

⁸ Напр. Чиркин 2010: 86.

⁹ Голосов 2012: 151.

Во многом эта «философия» восходит к Макс Веберу, оказавшему существенное влияние на Веймарскую конституцию. Речь идет в первую очередь о его идее *плебисцитарного лидера* и, более конкретно, плебисцитарного президента — политика, получающего доверие, формализованное или неформализованное, непосредственно от народа.

Могут спросить: как эта идея связана с полупрезидентской моделью? Ведь президент США, «классической» президентской республики, как раз является тем самым плебисцитарным президентом (что признавал и Вебер¹⁰). Ответ прост: помимо плебисцитарности (мандата на власть, получаемого непосредственно от народа), «веберовский», а в еще большей степени веймарский президент находится в системе власти, принципиально отличающейся от президентской республики, о чем будет сказано ниже.

¹⁰ См., напр. Вебер 2016: 310.

Любопытно, что только смешанная модель, в противовес двум другим, имеет концептуальную основу. Это, однако, не означает, что она представляет собой чистый продукт *in vitro*. Если бы это было так, элитные группы тогдашней Германии не восприняли бы выдвинутые Вебером идеи. Так что конструкция власти, закреплённая Веймарской конституцией, в значительной мере обусловлена «спецификой позднего становления германской государственности и наличием мощной монархической традиции»¹¹, то есть вырабатывалась для удовлетворения политических потребностей, возникших в конкретных исторических условиях.

¹¹ Бавев 2010: 273.

Препятствия перед политиками по призванию

Работы Вебера, в которых в совокупности изложена его концепция плебисцитарности, можно условно разделить на два типа — «фундаментальные» и «прикладные».

К первому относятся социологические работы, вошедшие позднее в многотомный академический труд «Хозяйство и общество», который был издан лишь после смерти Вебера. В главе «Типы господства» выдающийся немецкий социолог выделял три основания легитимности, хотя признавал, что они редко существуют в чистом виде: 1) *рациональное* — веру в законность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения; 2) *традиционное* — веру в святость издавна действующей традиции; 3) *харизматическое* — убеждение в святости или героической мощи, совершенстве какой-то персоны¹². Больше всего его интересовала харизматическая легитимность, которая характерна для периодов революций: «Харизматическое господство, — пояснял он, — будучи неповседневным, в полном смысле экстраординарным, резко противостоит как рациональному, особенно бюрократическому, так и традиционному, особенно патриархальному и патримониальному или сословному господству. И то, и другое — специфически повседневные формы господства; истинно харизматическое господство — их специфическая противоположность»¹³. Другое дело, что харизма рутинизируется при «передаче» ее преемнику (Вебер описал несколько спо-

¹² Вебер 2016: 254—255.
См. также Вебер 1990: 646—647.

¹³ Вебер 2016: 281.

¹⁴ Там же: 283—291. собов такой «передачи»¹⁴), вследствие чего харизматическое господство превращается в традиционное или рациональное.

¹⁵ Там же: 258. В частности, Вебер фиксировал харизматическое господство «в случае плебисцитарного президентского правления»¹⁵. «Перетекание» харизматичности в плебисцитарность — довольно туманное место в веберовской концепции. Недаром некоторые исследователи видят в плебисцитарности основание харизматичности, что, думается, косвенно работает на оправдание личной власти. Так, Андраник Мигра- нян утверждает, что «в американской политической системе должность президента обладает харизмой независимо от личности президента»¹⁶.

¹⁶ Мигра- нян 1989: 154. Впрочем, с его точки зрения, личные свойства последнего вполне способны добавить ему харизматичности, как в случае с Рональдом Рейга- ном, которому «удалось полностью „выжать“ всю харизму, заключаю- щуюся в символической роли президента»¹⁷.

¹⁷ Там же: 155. В «прикладных» трудах Вебера на первое место выходит уже поня- тие плебисцитарности. Речь идет о сборнике «Парламент и правитель- ство в новой Германии» (май 1918 г.), статьях «Будущая государственная форма Германии» (ноябрь 1918 г.) и «Рейхспрезидент» (январь 1919 г.), а также о докладе «Политика как призвание и профессия», прочитан- ном в 1918 и изданном в 1919 г. Среди перечисленных работ стоит вы- делить «Парламент и правительство в новой Германии», куда вошли пе- реработанные и расширенные версии статей, публиковавшихся летом 1917 г. в газете «Frankfurter Zeitung». По мнению Шмитта, «эти статьи (объединенные в 1918 году в сочинении „Парламент и правительство в новой Германии“) имели большое влияние на авторов Веймарской конституции и являются важным источником для государственно-тео- ретической оценки этой конституции»¹⁸.

¹⁸ Шмитт 2010: 233. Сам Вебер скромнее оценивал свое сочинение, отмечая, что «спе- циалистам по государственному праву оно не сообщает ничего нового», но вместе с тем подчеркивая, что оно «и не прикрывается авторитетом науки»¹⁹. Действительно, цели этих статей скорее политические. С од- ной стороны, Вебер стремился сформулировать аргументы «против тех, кто и теперь (весной 1918 г. — М.К.) нынешнюю ситуацию считает под- ходящей для того, чтобы напрямую дискредитировать народное пред- ставительство в пользу других политических сил»²⁰. По его убеждению, «кто вообще ставит будущий вопрос о государственном строе Германии иначе, нежели „как сделать парламент способным к власти?“, тот с са- мого начала ставит его неправильно. Ибо все остальное — второстепен- ная работа»²¹.

¹⁹ Вебер 2003а: 107. С другой стороны, он хотел продемонстрировать изъяны партийно-парламентской системы тогдашней Германии и предложить средства для их преодоления. К важнейшим недостаткам этой системы Вебер относил то, что она препятствует приходу к власти *политиков по призванию*, «вождей».

²⁰ Там же. Одно из главных таких препятствий, по Веберу, заключалось в том, что занятие политических должностей не было связано с соот- ношением политических сил в нижней палате парламента (Рейхстаге).

²¹ Там же: 187.

Поэтому германский парламент оказывался бессильным, а значит, малопривлекательным для политиков по призванию. Если такой человек, язвительно замечал Вебер, «захотел бы стать членом парламента — что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти — если у него таковые имелись»²².

²² Вебер 1990: 685.

Между тем *работающий* парламент, подчеркивал Вебер, «может стать почвой, на которой возвращаются и путем селекции совершенствуются качества подлинных политических лидеров. А работающий парламент — это такой парламент, который контролирует администрацию непрерывно и в сотрудничестве с ней»²³. Среди средств подобного контроля Вебер особо выделял институт парламентских расследований, полагая, что его наличие способно превратить парламент «в место для отбора политических лидеров»²⁴.

²³ Вебер 2003а: 169.

²⁴ Там же: 174.

Но еще более серьезное препятствие для выдвижения и продвижения политических харизматиков Вебер видел в бюрократизации партийной жизни. В частности, это побудило его выступить в защиту «демагогов», противопоставив их «работникам канцелярий» — партийным чиновникам: «Обстоятельством решающей важности является то, что в любом случае для политического лидерства годятся лишь личности, отобранные в ходе политической борьбы, так как всякая политика, по существу, есть борьба. А для борьбы столь поносимое „ремесло демагога“, как правило, полезнее, чем канцелярия, которая, правда, дает бесконечно лучшую выучку в делах конкретного управления»²⁵. Устаревшей системе «уважаемых людей», в которой трудно пробиться политическим талантам, он противопоставлял англо-саксонскую систему кокусов (saucis), то есть «собраний организованных членов партии»²⁶, благодаря которой «на политической сцене выступают и делают карьеру разнообразные политические темпераменты и лидерские натуры»²⁷.

²⁵ Там же: 227.

²⁶ Вебер 1990: 675.

²⁷ Вебер 2003а: 242.

Американские партии Вебер называл «содержательно беспринципными», ибо «их цель состоит исключительно в том, чтобы посредством выборов продвинуть своего лидера на руководящий пост, чтобы впоследствии тот назначил собственную свиту — чиновничий и пропагандистский аппарат партии — на государственные должности»²⁸. В Германии же, по его оценке, преобладали «мировоззренческие» партии, стремящиеся «служить осуществлению содержательных политических идеалов»²⁹. Однако предпочтение Вебер отдавал первым, поскольку, с его точки зрения, они препятствовали «возникновению касты бюрократов»³⁰ и свойственные им недостатки уравнивались харизматичностью лидеров³¹.

²⁸ Там же: 135.

²⁹ Там же: 136.

³⁰ Там же.

³¹ Там же: 222.

При этом он отнюдь не ратовал за заимствование американской политической конструкции. Хорошо понимая, что Германия имеет немало существенных особенностей, начиная с идейной и политической

раздробленности общества после Первой мировой войны и заканчивая социальной структурой и состоянием экономики, он признавал целесообразным сохранить парламентское влияние на формирование правительства. Но и в этом случае, согласно его представлениям, «рейхспрезидент по-прежнему будет обладать самостоятельной властью»³².

³² Вебер 2003b: 376—377.

Своей научной и гражданской задачей Вебер считал поиск институциональных средств, которые могли бы обеспечить сохранение германской государственности, оказавшейся в конце войны под угрозой, в том числе из-за крайней политической фрагментированности. И главным среди этих средств, по его убеждению, был единоличный институт, способный объединить нацию, — президент, избираемый народом. Тем самым Вебер очертил контуры доселе неизвестной модели власти, хотя не сознавал и потому не говорил, что речь идет о *новой* разновидности республиканской формы правления.

Разработка Конституции 1919 г.

В начале XX в. идея радикальной трансформации германской Конституции 1871 г. становилась все более популярной. Однако кайзер Вильгельм II и его окружение, что называется, до последнего отстаивали существующее положение вещей и прежде всего сопротивлялись стремлению парламента (точнее, нижней его палаты — Рейхстага) влиять на формирование правительства и участвовать в контроле над ним. Тем не менее военная (на фронтах Первой мировой войны) и внутривластная ситуация складывались таким образом, что монарху пришлось пойти на уступки: «30 сентября 1918 г. кайзер своим указом практически ввел в действие парламентскую систему. Закон о внесении изменений в Конституцию от 28 октября 1918 г. юридически превратил империю в парламентскую монархию»³³.

³³ Бавв 2010: 271.

Шаг оказался запоздалым. 3 ноября 1918 г. восстали военные матросы в Киле, и в Германии началась революция, приведшая к отречению Вильгельма II от престола, его бегству из страны, затем к кровавой гражданской войне, бушевавшей с января по май, а кое-где и до середины лета 1919 г., «результатом которой были тысячи человеческих жертв и невыразимое чувство бесконечной горечи»³⁴. На этом фоне и шла разработка будущей Конституции Германской империи³⁵ 1919 г., вошедшей в историю как Веймарская. Связь конституционного проектирования с гражданской войной была весьма тесной уже потому, что политические устремления немецкого народа разделились. Одни хотели пойти по пути России, официально провозгласившей летом 1918 г. диктатуру пролетариата и систему Советов; другие мечтали реставрировать монархию; третьи выступали за демократические преобразования. В учредительном органе — Национальном собрании — последние оказались в большинстве.

³⁴ Хаффнер 1983: 164.

³⁵ Так официально называлась Веймарская республика.

Датой начала работы над конституционным проектом можно считать 15 ноября 1918 г., когда временное правительство под руководством социал-демократов Фридриха Эберта и Гуго Гаазе поручило профессору

³⁶ Hugo Preuß. В русскоязычной литературе его фамилию чаще транскрибируют как Прейс.

³⁷ Юдин** 2021: 18.

³⁸ Драбкин 1958: 357.

³⁹ Там же: 358.

⁴⁰ См. Баев 2010: 284.

⁴¹ Выделение Питером Бэрлом шести вариантов проекта (см. Ваehr 1989: 21) объясняется, видимо, тем, что он включил в их число варианты с небольшими изменениями, обсуждавшиеся в ходе парламентских чтений.

⁴² Драбкин 1958: 366.

⁴³ С февраля 1919 г. этот пост занимал Эберт.

⁴⁴ То же, что spoils system — раздача должностей сторонникам победившей на выборах партии (см. Вебер 1990: 682).

Отличия конституционной конструкции от веберовской модели

⁴⁵ Вебер 2003с: 403.

публично права Гуго Пройсу³⁶ возглавить группу разработчиков, назначив его с этой целью статс-секретарем Министерства внутренних дел. В некоторых источниках отмечается, что «Эберт рассматривал Вебера в качестве кандидата на эту должность, однако отдал предпочтение либеральному юристу Пройсу, который уже с 1917 года предлагал конкретные идеи по изменению конституции. До того, как предложить проект профильному комитету будущего Национального собрания (избрано в январе 1919 года), Пройс в декабре проводил совещания неофициальной конституционной комиссии в ведомстве внутренних дел. Вебер участвовал в ее работе наряду с официальными лицами»³⁷. Возможно, предпочтение было отдано Пройсу потому, что буквально накануне назначения он опубликовал в газете «Berliner Tageblatt» статью, где выступил категорическим противником власти советского типа³⁸.

Пройса нельзя назвать сторонником веберовской концепции плебисцитарного президента. Во всяком случае, в первом варианте проекта (начало января 1919 г.) предусматривалось, что президент избирается парламентом³⁹. Этот вариант был отвергнут, но по другой причине: как подчеркивал Пройс в своей Пояснительной записке, ключевым был вопрос об «отношениях между империей и республиками»⁴⁰. А радикальная позиция Пройса в сфере федеративных отношений (в частности, он предлагал разделить Пруссию) не понравилась ни одной из тогдашних партий. Для продолжения работы правительство порекомендовало Пройсу согласовать свои идеи с другими профессорами, прежде всего с Вебером.

Отвергнуты были и два последующих варианта. И только по четвертому, появившемуся в конце июня 1919 г., состоялись три чтения в Национальном собрании⁴¹. Против проекта категорически выступили лишь сторонники реставрации — представители Немецкой национальной народной партии, которые сочли его недостаточно консервативным и противоречившим их монархическим убеждениям, и национал-либералы из Немецкой народной партии, протестовавшие против «духа крайней демократии», «декоративного положения президента» и референдума, «грозящего сбросить с рельсов государственную колесницу»⁴². Тем не менее благодаря голосам социал-демократов и центристов проект был принят. 11 августа 1919 г. Конституция была подписана президентом⁴³, а спустя три дня опубликована и вступила в силу.

В январе 1919 г. Вебер вывел своего рода формулу, согласно которой «всенародно избранный президент как глава исполнительной власти, руководитель ведомственного патронажа⁴⁴ и (соответственно) обладатель права на отсрочивающее вето и полномочий на роспуск парламента и всенародный опрос — это твердыня подлинной демократии, означающей не немощную сдачу власти кликам, а подчинение всенародно избранным лидерам»⁴⁵. Здесь нетрудно заметить черты президентской республики, но имеются и отсутствующие в ней элементы:

⁴⁶ Для Вебера «все-народный опрос» был синонимом референдума (см. Вебер 2016: 329).

⁴⁷ Здесь и далее цит. по: Конституция Германского рейха 1919.

наделение президента правом распускать парламент и инициировать всенародный опрос — референдум⁴⁶.

В Веймарской конституции данная «формула» была воспроизведена далеко не полностью, и предусмотренная ею конструкция еще больше отходила от президентской республики. Прежде всего, хотя Вебер настаивал на том, что плебисцитарный президент должен возглавлять исполнительную власть, Конституция 1919 г. отказалась от этого — одного из главных — элемента президентской модели (впрочем, в конституционном тексте вообще не упоминалось о ветвях власти). Не предусматривалось в ней, как ни странно, и президентское вето на законы. Вместе с тем был закреплен не присущий президентской республике институт контрасигнации президентских актов. Статья 50 гласила: «Все приказания и распоряжения Рейхспрезидента, в том числе в отношении вооруженных сил, действительны лишь после скрепы их рейхсканцлером или соответствующим имперским министром. Скрепа означает принятие ответственности»⁴⁷. Надо отметить, что, хотя впоследствии институт контрасигнации был включен в конституции ряда полупрезидентских республик (например, Франции), он не является специфическим элементом смешанной модели.

Тем не менее основу веберовской «формулы» Конституция 1919 г. сохранила. В первую очередь плебисцитарность — избрание президента непосредственно народом (ст. 41). Отражением веберовского требования ведомственного патронажа можно считать ст. 46, где устанавливалось, что Рейхспрезидент «назначает и увольняет имперских чиновников и офицеров». Статья 25 наделяла президента правом распускать Рейхстаг (единственное ограничение состояло в том, что к роспуску можно было прибегнуть «не более одного раза по данному поводу»). Закреплены были и «полномочия на всенародный опрос», хотя в несколько суженном, по сравнению с формулой Вебера, виде: президент мог вынести на народное голосование принятый Рейхстагом, но еще не опубликованный закон (ст. 73), а также «распорядиться о производстве народного голосования» в случае непреодолимых расхождений между Рейхстагом и Рейхсратом по поводу некоего закона (ст. 74).

Трудно сказать, почему Вебер не включил в свою «формулу» формирование правительства президентом с учетом результатов парламентских выборов. Возможно, он считал это не столь значимым для плебисцитарного президента (в отличие от конституционного монарха) или просто «технической» процедурой. Между тем это один из принципиальных моментов. И его не упустила из виду Веймарская конституция, установив, что рейхсканцлер и имперские министры назначаются президентом, но «нуждаются для отправления своих должностей в доверии рейхстага» (ст. 53—54).

В президентской и парламентской системах президент тоже взаимодействует с парламентом по вопросам назначения высших чиновников, но характер взаимоотношений там иной. Так, в разделе 2 ст. II Конституции США (президентской республики) предусмотрено, что

президент «назначает на должности и по совету и с согласия Сената вводит в должности послов, других официальных представителей и консулов, судей Верховного суда и всех других должностных лиц Соединенных Штатов, введение в должности которых в ином порядке не предусмотрено Конституцией и должности которых установлены законом»⁴⁸. Однако это в принципе другая процедура. В частности, должны рассматриваться личные качества кандидата, а не его политическая принадлежность — не случайно согласование возложено на верхнюю палату. В парламентской же системе глава государства формирует правительство не «с учетом», а *на основании* политических договоренностей в парламенте.

⁴⁸ Конституция Соединенных Штатов б.г.

Использование в смешанной модели понятия «учет» вполне логично: оно не несет интенции императивности — президент здесь не обязан слепо подчиняться решению парламентского большинства. «Если же и всенародно избранного президента, — подчеркивал Вебер, — связывать в выборе его министров доверием парламента, то все-таки зачастую в качестве доверенного лица миллионов он будет обладать большими правами, чем наличное партийное большинство в парламенте, и тем больше, чем дольше будет срок его президентства»⁴⁹. Действительно, в реальной практике требование доверия нижней палаты рейхсканцлеру и имперским министрам не слишком жестко связывало Пауля фон Гинденбурга. Напротив, в 1932—1933 гг. на фоне чрезвычайно пестрого партийного состава Рейхстага мнение президента стало весьма весомым для межфракционного торга относительно кандидатуры канцлера. В конце концов 30 января 1933 г. после долгих переговоров о правительственной коалиции Гинденбург согласился назначить канцлером Адольфа Гитлера.

⁴⁹ Вебер 2003б: 375.

Виноват ли Вебер?

Трагическая судьба Веймарской республики побуждает некоторых авторов возлагать косвенную вину за это на концепцию плебисцитарного президента⁵⁰. Такое мнение представляется ошибочным. Во-первых, если бы после революции 1918—1919 гг. в Германии была установлена президентская или парламентская республика, скорость, последовательность или даже сам характер событий, наверное, были бы другими, но итог, скорее всего, оказался бы тем же. И «версальский» ресентимент, и экономический кризис, и расколотость немецкого общества, и отсутствие симпатий к веймарской системе у большей части германских элит⁵¹ (в том числе у президента Гинденбурга⁵²), и ряд других факторов делали вероятность произошедшего в 1933—1934 гг. весьма высокой. Во-вторых, приводимые в качестве аргументов в пользу подобного обвинения конституционные статьи часто не имеют отношения к концепции Вебера. В частности, речь идет о статье 48, закреплявшей чрезвычайные полномочия президента. Так, признавая, что «Вебер не проявлял никакого интереса к пресловутой статье 48 (которая способствовала приостановлению всех основных гражданских свобод)»,

⁵⁰ См., напр. Ваehr 1989: 23—24; Мигранян 1989: 152; Моттсен 2004: 403; Юдин** 2021: 19.

⁵¹ В частности, ее противником была влиятельная в те годы Протестантская церковь (Вирт 2023: 64).

⁵² Баев 2010: 276, 301.

⁵³ Baehr 1989: 23—24.

⁵⁴ *Ibid.*: 24.

⁵⁵ Цит. по: Баев 2010: 331.

⁵⁶ Чиркин 2010: 86.

⁵⁷ Речь идет о преобразовании хозяйства. «Сущность социализации и любого ее аспекта, — отмечает в предисловии к пятому изданию веберовского «Хозяйства и общества» (1972 г.) его редактор Йохан-

Бэр вместе с тем называет такую «беспечность» по-своему показательной⁵³. При этом более опасной он считает статью 76 (предусматривавшую возможность изменения Конституции при поддержке как минимум двух третей депутатов Рейхстага), видя в ней «решающий конституционный инструмент в создании Третьего рейха»⁵⁴. Наконец, в-третьих, обвинения в адрес веберовской концепции и базировавшейся на ней веймарской модели, может быть, и имели бы под собой основания, если бы власть сконцентрировал в своих руках сам президент Гинденбург. Но власть захватил рейхсканцлер Гитлер, который фактически совершил государственный переворот, то есть стал диктатором ни благодаря, ни вопреки веймарской конструкции. 1 августа 1934 г. (за день до смерти Гинденбурга) гитлеровское правительство издало декрет «О главе Германской империи», где объявлялось: «Должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера. В силу этого установленные до сих пор полномочия президента империи переходят к вождю и рейхсканцлеру — Адольфу Гитлеру. Он назначает своего заместителя»⁵⁵.

Сказанное, однако, не означает апологии смешанной модели, тем более согласия с мнением, будто она вобрала в себя *положительные* стороны президентской и парламентской систем, как полагает, например, Вениамин Чиркин, говоря, что жизнь поставила задачу «не только корректировать, но и органично соединить положительные черты обеих форм (президентской и парламентской — М.К.) и минимизировать их недостатки»⁵⁶. Конечно, у полупрезидентской республики имеются и достоинства, прежде всего более широкие институциональные возможности для предотвращения и преодоления конституционных тупиков. Но отдельные плюсы этой модели перекрывает скрытая в ней угроза *авторитарного перерождения президента*. Из чего следует такой вывод?

Двойственность веберовского президента

нес Винкельман, — состоит в том, что индивид, его намерения и действия влетают в совокупность общественных обстоятельств и перманентного процесса обобществления» (Вебер 2016: 59).

⁵⁸ Вебер 2003с: 399.

⁵⁹ Там же: 400.

В веберовской концепции плебисцитарного президента заложен изъян, который не воспринимался в качестве такового ее автором, но который дал о себе знать в конце XX в. Заключается он в том, что в предлагавшейся Вебером конструкции президенту вменялось исполнение двух несовместимых друг с другом фундаментальных ролей — *адаптационной* (развивающей) и *стабилизирующей* (охранительной). Особенно отчетливо это видно в одной из последних работ Вебера «Рейхспрезидент», где утверждалось, что лишь «рейхспрезидент, за которым стоят голоса миллионов избирателей», способен осуществлять социализацию⁵⁷, «в которой совершенно ничего нельзя достичь, следуя параграфам законов, зато всего можно достичь посредством единообразного управления»⁵⁸; что ни коллегиальное руководство, ни глава государства, «избранный парламентом и дискредитированный жалкой немощью французского президента, никогда не смогли бы внести в управление то единство, без которого невозможно восстановление нашего хозяйства»⁵⁹. Но в той же работе Вебер восклицал: «Партикуля-

⁶⁰ Вебер 2003с: 401.

ризм требует носителя мысли об имперском единстве»⁶⁰ (в данном случае он имел в виду региональный партикуляризм, но в его концепции плебисцитарный президент предназначен и для нейтрализации политической фрагментации и отстаивания партиями своих узких интересов). И хотя на первое место он ставил именно охранительную функцию⁶¹, она совмещалась у него с функцией управления.

⁶¹ Там же: 402.

Таким образом, в представлении Вебера, сила президента, обусловленная его народным избранием, требовалась для обеспечения как единства системы управления (поэтому он должен возглавлять данную систему), так и национального (государственного) единства (президент обязан оберегать государственный организм от внутренних потрясений).

Конституция 1919 г., казалось бы, сняла эту двойственность: непосредственное управление страной было возложено не на рейхспрезидента, а на правительство во главе с канцлером. Основными конституционными прерогативами президента, помимо права распускать Рейхстаг и инициировать референдум, стали чрезвычайные полномочия, рассчитанные на устранение угрожающих внутренней безопасности нарушений Конституции (ст. 48). Такая направленность и набор полномочий, на первый взгляд, представляли президента как *политически нейтральную фигуру*. Некоторые исследователи так и воспринимают веймарского президента — как эффективного и беспристрастного участника «правительственных и иных назначений»⁶² или независимого арбитра⁶³. Но это заблуждение — рейхспрезидент оставался частью системы управления и, следовательно, политически ангажированным. Даже если отвлечься от текста его присяги, нацеливавшей отнюдь не на охрану и защиту конституционного порядка⁶⁴, Конституция не выводила президента из сферы politics. Об этом свидетельствуют, в частности, его прерогативы в области заключения международных договоров (ст. 45), назначения и увольнения высших должностных лиц (ст. 46, 53). Впрочем, и те президентские полномочия, которыми он наделялся для обеспечения государственной стабильности, выхода из политических тупиков, вполне могли быть задействованы отнюдь не для этих целей. Помимо права распускать Рейхстаг, это уже упомянутые чрезвычайные полномочия, которые достаточно широко формулировались и к тому же «приобретали со временем расширенное толкование»⁶⁵. И этими полномочиями активно пользовались оба веймарских президента, причем Гинденбург «на этой основе издал за два года (1930—1932) не только... многочисленные чрезвычайные распоряжения в целях устранения экономических и финансовых проблем, но и принял меры по устранению самой конституции»⁶⁶.

⁶² Алебастрова 2023: 38.

⁶³ Там же; Сафолов 2022: 465.

⁶⁴ «Я клянусь посвятить свои силы благу германского народа, способствовать его пользе, оберегать его от ущерба, блюсти конституцию и законы империи, добросовестно исполнять мои обязанности и соблюдать справедливость по отношению ко всем» (ст. 42).

⁶⁵ См. Баев 2010: 274—275.

⁶⁶ Там же: 275.

Чем же опасно совмещение двух ролей? Как метко заметил английский политолог Джейкоб Мейер, оценивая веберовскую конструкцию: «волку доверили стеречь овец»⁶⁷. Однако это нуждается в пояснении.

⁶⁷ Цит. по: Миграян 1989: 152—153.

В вышедшей в 1990 г. статье Хуана Линца «Опасности президентализма» отмечалось, что «должность президента по своей природе двумерна и в определенном смысле неоднозначна, двусмысленна: с од-

ной стороны, президент является главой государства и представителем всей нации; с другой стороны, он отстаивает явно партийный политический выбор»⁶⁸. Линц имел в виду главным образом президентские республики, где статус главы государства побуждает президента позиционировать себя в качестве общенационального лидера (как это открыто делают многие американские президенты⁶⁹), хотя он возглавляет исполнительную власть. Такое положение создает у президента ощущение, что он «может быть единственным „избранным представителем всего народа“», при этом он «будет склонен отождествлять своих сторонников с „народом“ в целом»⁷⁰. Как следствие, «неизбежная оппозиция его политике покажется ему гораздо более раздражающей и деморализующей, чем премьер-министру (в парламентской системе — М.К.), который считает себя всего лишь представителем временной правящей коалиции, а не гласом нации или народным трибуном»⁷¹.

Статья эта писалась еще до распада советского блока и самого СССР, давшего толчок взрывному росту числа полупрезидентских республик в мире. Иначе Линц, наверное, сосредоточил бы свое внимание на смешанной модели. Ведь в ней гораздо сильнее, чем в президентской, проявляется феномен президента-миссионера, которому мешают те, кто не согласен с его политическими устремлениями. Причина в том, что к статусу главы государства здесь добавляется положение президента, не принадлежащего ни к одной из традиционных ветвей власти⁷² и потому как бы возвышающегося над ними в качестве патрона всего государственного организма⁷³.

Сама по себе идея политически нейтрального президента, чье предназначение — обеспечивать стабильность системы власти, совершенно правильна. Концепцию нейтральной власти выдвинул еще 200 лет назад Бенжамен Констан (применительно к конституционному монарху)⁷⁴. Но ни Констан, ни впоследствии Вебер и другие создатели Веймарской конституции, ни Шмитт как приверженец концепта «гарант конституции», ни генерал Шарль де Голль с его концептом «президент-арбитр» не увидели или не захотели увидеть опасность совмещения двух предназначений главы государства — правителя и хранителя.

Как уже говорилось, в смешанной модели президент отнюдь не дистанцирован от системы управления и имеет рычаги воздействия на исполнительную власть со всеми ее огромными финансовыми, административными и силовыми ресурсами (правда, в разных странах сила этих рычагов различна). Но при этом, позиционируясь в качестве хранителя стабильности, он прячет за этой ролью свое активное участие в politics (да и в policy тоже). В частности, как точно замечено в одном учебнике, «глава правительства, на которого возложено текущее управление, подчас выступает в роли „мальчика для битья“: если что не получается, то причина не в политическом курсе президента, а в плохом проведении этого курса правительством»⁷⁵.

Таким образом, политическая нейтральность, которую предполагает стабилизационная (охранительная) роль президента, представляет

⁶⁸ Linz 1990: 61.

⁶⁹ См. Wilson 1917: 69; Иванян (ред.) 2001: 42, 160, 176, 187, 244—245.

⁷⁰ Linz 1990: 61.

⁷¹ Ibid.: 56.

⁷² В конституциях некоторых полупрезидентских республик (в частности, Австрии) президент отнесен к исполнительной власти, но в реальности он ее не возглавляет.

⁷³ Ряд юристов-государствоведов пишет об этом как о вполне нормальном явлении (см., напр. Радченко 1995: 1—2; Окуньков 1996: 40; Зорькин и Лазарев (ред.) 2009: 121; Кутафин 2012: 6), что неудивительно, поскольку на это прямо указывают и многие конституции, и практика конституционных судов.

⁷⁴ См. Констан 2000.

⁷⁵ Страшун (ред.) 1999: 351.

собой ложную презумпцию. Между тем именно она определяет статус президента в смешанной модели, что создает благоприятные условия — психологические и институциональные — для его *авторитарного перерождения*⁷⁶.

⁷⁶ *Формат статьи не позволяет углубиться в рассмотрение этих условий.*

⁷⁷ *См., напр. Вебер 2003а: 229.*

⁷⁸ *Там же: 110.*

⁷⁹ *Цит. по: Масловский 2020: 110.*

⁸⁰ *Вебер 2016: 303.*

⁸¹ *Вебер 2003а: 230—231.*

Не то чтобы Вебер совсем не видел авторитарной угрозы, исходящей от плебисцитарного президента, или, тем более, благожелательно относился к авторитаризму. Видел⁷⁷ и относился отрицательно⁷⁸, но, по словам Вильгельма Моммзена, расценивал «как сравнительно незначительную опасность того, что демократическое правление „вождя“, получившего легитимность в результате плебисцита, может обернуться диктатурой»⁷⁹. Возможно, он несколько идеалистично полагал, что «авторитарный по своему исходному смыслу харизматический принцип легитимности может быть переосмыслен в антиавторитарном духе»⁸⁰, и вместе с тем рассчитывал, что «цезаристско-плебисцитарный момент» будет нейтрализован, прежде всего посредством парламентского контроля, обеспечивающего, среди прочего, и «мирную форму элиминации цезаристского диктатора, когда он утрачивает доверие масс»⁸¹.

Конечно, формирование режима личной власти не предрешено. Подобный поворот может сдерживаться более или менее сбалансированной конструкцией власти, традициями парламентаризма, развитой партийной системой, общественной привычкой к политической конкуренции, наконец, нежеланием самого президента превращаться в автократа (история знает примеры). А если таких препятствий нет?..

* * *

В конституционном нормотворчестве (и шире — в конституционном строительстве) часто забывают о важном методологическом принципе: необходимо учитывать фактор подверженности политиков соблазнам, искушениям. Иными словами, при оценке новой концептуальной схемы организации власти нужно в первую очередь обращать внимание не на то, какой эффект она даст, а на то, какой вред может причинить. Андраш Шайо и Рената Уитц формулируют этот принцип так: «Конституционализм как предприятие морально-этического толка — это замысел, диктуемый недоверием, но недоверием рациональным. Шотландский философ эпохи Просвещения Дэвид Юм (1711—1776) утверждал, что „...замышляя какую-либо систему управления государством, учреждая всяческие виды проверок и контроля исполнения конституции, мы исходим из того, что человек — подлец“»⁸². И в другом месте: «Говорить о самоограничении или об ограничивающей себя власти несколько некорректно»⁸³. Конечно, есть случаи реального самоограничения, когда некий конституционный актер в одностороннем порядке слагает с себя часть полномочий или же политическое сообщество в целом отказывается от некоторых практик, таких как рабство, пытки или смертная казнь. Однако в большинстве случаев ограничение власти

⁸² *Шайо и Уитц 2021: 43.*

⁸³ *Тем не менее сам Шайо в свое время издал книгу о самоограничении власти (см. Шайо 2001).*

⁸⁴ Шайо и Уитц
2021: 51.

проистекает из конституционного устройства институтов и правил, позволяющих конституционным акторам ограничивать друг друга»⁸⁴.

Библиография

Алебастрова И. (2023) «Представительное правление и плебисцитарная демократия: новая попытка гармонизации на постсоциалистическом пространстве» // *Сравнительное конституционное обозрение*, № 3 (154): 14—44.

Баев В.Г. (2010) *Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX в.): Историко-правовое исследование*. М.: Юрлитинформ.

Варнавский А.Г. (2010) «Смешанная (полупрезидентская) форма государственного правления: причины и условия становления, факторы трансформации в современных условиях» // *Социально-экономические явления и процессы*, № 4: 102—106.

Вебер М. (1990) «Политика как призвание и профессия» // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 644—706.

Вебер М. (2003а) «Парламент и правительство в новой Германии» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 107—299.

Вебер М. (2003б) «Будущая государственная форма Германии» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 343—393.

Вебер М. (2003с) «Рейхспрезидент» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 399—403.

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. Т. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Вирт Н.Ф. (2023) «Германский протестантизм и религиозные аспекты Веймарской конституции 1919 года» // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, № 3: 59—65. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2023/03/2023-03-08.pdf> (проверено 27.02.2024).

Голосов Г.В. (2012) *Демократия в России: инструкция по сборке*. СПб.: БХВ-Петербург.

Драбкин Я.С. (1958) *Революция 1918—1919 гг. в Германии: Краткий очерк*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Зазнаев О.И. (2007) «Парламентаризация полупрезидентской системы (на примере Финляндии)» // *Ученые записки Казанского государственного университета*, т. 149, кн. 3: 100—111. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_250524448/149_3_gum_7.pdf (проверено 27.02.2024).

Зорькин В.Д. и Л.В.Лазарев, ред. (2009) *Комментарий к Конституции Российской Федерации*. М.: ЭКСМО.

Иванян Э.А., ред. (2001) *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789—2001 гг.) с историческим комментарием*. М.: Стратегия.

Констан Б. (2000) «Принципы политики, пригодные для всякого правления» // *Французский классический либерализм: Сборник*. М.: РОССПЭН: 23—262.

«Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г.» // *100(0) ключевых документов по германской истории в 20 веке*. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (проверено 26.03.2024).

Конституция Соединенных Штатов Америки. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (проверено 26.03.2024).

Кутафин О.Е. (2012) *Глава государства*. М.: Проспект.

Масловский М.В. (2020) «Веберовский анализ плебисцитарного господства и дискуссия о множественных модернах» // *Социология власти*, т. 32, № 4: 107—122.

Мейнваринг С. (2006) «Президентское правление, многопартийность и демократия: трудное сочетание» // Иноземцев В.Л. и Б.Г.Капустин, ред. *Теория и практика демократии: Избранные тексты*. М.: Ладомир: 223—227.

Мигранян А.М. (1989) «Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс» // *Вопросы философии*, № 6: 148—158.

Окуньков Л.А. (1996) *Президент Российской Федерации: Конституция и политическая практика*. М.: ИНФРА-М; Норма.

Радченко В.И. (1995) *Президент Российской Федерации в системе разделения властей*. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Саратов: Саратовская государственная академия права.

Сафоклов Г. (2022) «Стабилизирующий фактор или катализатор разбалансировки? К вопросу о внедрении института „нейтральной власти арбитра“ в конституционный строй правовых государств и в систему управления Православной Церкви» // Ермилов П.В. и М.В.Грацианский, ред. *Понятие первенства: Истоки и контексты*. М.: Изд-во ПСТГУ: 421—490.

Слеженков В.В. (2020) «Полупрезидентская (смешанная) республика: исторические корни и проблемные аспекты терминологии (опыт французской политико-правовой науки)» // *Advances in Law Studies*, т. 7, № 4: 16—20.

Страшун Б.А., ред. (1999) *Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4-х т. Т. 1—2*. М.: БЕК.

Тебаев Д.Б. (2023) *Конституционно-правовой статус высшего должностного лица Республики Казахстан*. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова.

Хаффнер С. (1983) *Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности*. М.: Прогресс.

Чиркин В.Е. (2010) *Глава государства: Сравнительно-правовое исследование*. М.: Норма; ИНФРА-М.

Шаблинский И.Г. (2020) «Формы правления в Финляндии: эволюция и исторический контекст» // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, № 5: 21—34.

Шайо А. (2001) *Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма*. М.: Юрист.

Шайо А. и Уитц Р. (2021) *Конституция свободы: Введение в юридический конституционализм*. М.: Институт права и публичной политики*.

Шмитт К. (2010) «Учение о конституции (фрагмент)» // Шмитт К. *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 33—65.

Юдин Г.** (2021) «Россия как плебисцитарная демократия» // *Социологическое обозрение*, т. 20, № 2: 9—47. URL: <https://typeset.io/pdf/russia-as-a-plebiscitary-democracy-4j9omlu3dj.pdf> (проверено 27.02.2024).

Baehr P. (1989) «Weber and Weimar: The „Reich President“ Proposals» // *Politics*, vol. 9, no. 1: 20—25.

Linz J.J. (1990) «The Perils of Presidentialism» // *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1: 51—69.

Mommsen W.J. (2004) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890—1920*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Wilson W. (1917) *Constitutional Government in United States*. New York: Columbia University Press.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

** Решением Минюста РФ внесен в реестр иностранных агентов.

политика

M.A. Krasnov
MIXED MODEL:
MAX WEBER AND REALITY

Mihail A. Krasnov — Doctor of Law; Ordinary Professor at the HSE University. Email: mkrasnov@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semi-presidential, or mixed, model (system) of power. This structure is of a particular interest, not least due to the fact that it creates favorable conditions for the authoritarian evolution. Of course, an authoritarian regime can form in both the presidential and parliamentary systems, but the semi-presidential model holds much greater potential for such a development of events. The main flaw of the semi-presidential system is that the president is normatively placed above all institutions of power, but at the same time retains prerogatives that do not allow him to remain politically impartial. This position of the president in the

system of power distorts his political self-identification. He begins to perceive himself as an analogue of an absolute monarch and monopolizes power via legal means.

One of the fathers of the mixed model was Max Weber, whose idea of a plebiscitary president marked the beginning of the formation of a new type of a republican form of government, first enshrined in the Constitution of (Weimar) Germany in 1919. This is why the author thoroughly examines Weber's concept, his role in the development of the Weimar Constitution, and compares his views with the normative model reflected in the Constitution. The article shows that although the Weimar Constitution did not adopt all of Weber's principles and moved much further away from the model of a presidential republic, the main Weberian ideas were included in the form of certain norms. The final part of the article presents a number of critical considerations about certain provisions of the Weberian concept and the Weimar model of power.

Keywords: mixed model, presidential republic, parliamentary system, Weimar Constitution, plebiscitary leader, authoritarianism, Max Weber

References

- Aleastrova I. (2023) "Predstavitel'noe pravlenie i plebistsitarnaja demokratija: novaja popytka garmonizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve" [Representative Government and Plebiscitary Democracy: A New Attempt at Harmonization in the Post-Socialist Space] // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], no. 3: 14–44. (In Russ.)
- Baehr P. (1989) "Weber and Weimar: The „Reich President“ Proposals" // *Politics*, vol. 9, no. 1: 20–25.
- Baev V.G. (2010) *Germanskij konstitucionalizm (konets 18 — pervaja tret' 20 v.): Istoriko-pravovoe issledovanie* [German Constitutionalism (The End of the 18th — the First Third of the 20th Century): Historical and Legal Research]. Moscow: Jurlitinform. (In Russ.)
- Chirkin V.E. (2010) *Glava gosudarstva: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Head of State: Comparative Legal Research]. Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russ.)
- Constant B. (2000) "Printsipy politiki, prigodnye dlja vsjakogo pravlenija" [Principes de politique applicables à tout les gouvernements] // *Frantsuzskij klassicheskij liberalizm: Sbornik* [French Classical Liberalism: A Collection]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Drabkin Ya.S. (1958) *Revoljutsija 1918—1919 gg. v Germanii: Kratkij ocherk* [The Revolution of 1918—1919 in Germany: A Brief Essay]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury. (In Russ.)
- GolosoV G.V. (2012) *Demokratija v Rossii: instruksija po sborke* [Democracy in Russia: Assembly Instructions]. St Petersburg: BKhV-Peterburg. (In Russ.)
- Haffner S. (1983) *Revoljutsija v Germanii 1918/19: Kak eto bylo v dejstvitel'nosti* [Die deutsche Revolution, 1918/19]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Ivanyan E.A., ed. (2001) *Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789—2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural Speeches of US Presidents from George Washington to George Bush (1789—2001) with a Historical Commentary]. Moscow: Strategija. (In Russ.)

“Konstitutsija Germanskogo rejkhha ot 11 avgusta 1919 g.” [Verfassung des Deutschen Reichs] // *100(0) kljuchevykh dokumentov po germanskoy istorii v 20 veke* [100(0) Key Documents on German History in the 20th Century]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (accessed on 26.03.2024). (In Russ.)

Konstitutsija Soedinennykh Shtatov Ameriki [Constitution of the United States]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnstUS.htm> (accessed on 26.03.2024). (In Russ.)

Kutafin O.E. (2012) *Glava gosudarstva* [The Head of State]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Linz J.J. (1990) “The Perils of Presidentialism” // *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1: 51—69.

Mainwaring S. (2006) “Prezidentskoe pravlenie, mnogopartijnost’ i demokratija: trudnoe sochetanie” [Presidentialism, Multiparty Systems, and Democracy: the Difficult Equation] // Inozemtsev V.L. and B.G.Kapustin, eds. *Teorija i praktika demokratii: Izbrannye teksty* [Theory and Practice of Democracy: Selected Texts]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

Maslovskiy M.V. (2020) “Veberovskij analiz plebistsitarnogo gospodstva i diskussija o mnozhestvennykh modernakh” [Max Weber’s Analysis of Plebiscitary Leadership and the Debate on Multiple Modernities] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 32, no. 4: 107—122. (In Russ.)

Migranyan A.M. (1989) “Plebistsitarnaja teorija demokratii Maksa Vebera i sovremennyy politicheskij process” [Max Weber’s Plebiscitary Theory of Democracy and the Modern Political Process] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 6: 148—158. (In Russ.)

Mommsen W.J. (2004) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890—1920*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Okun’kov L.A. (1996) *Prezident Rossijskoj Federatsii: Konstitutsija i politicheskaja praktika* [The President of the Russian Federation: The Constitution and Political Practice]. Moscow: INFRA-M; Norma. (In Russ.)

Radchenko V.I. (1995) *Prezident Rossijskoj Federatsii v sisteme razdelenija vlastej* [The President of the Russian Federation in the System of Separation of Powers]. Abstract of Ph.D. diss. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russ.)

Safoklov G. (2022) “Stabilizirujushchij faktor ili katalizator razbalansirovki? K voprosu o vnedrenii instituta „nejtral’noj vlasti arbitra“ v konstitutsionnyj stroj pravovykh gosudarstv i v sistemu upravlenija Pravoslavnoj Tserkvi” [A Stabilizing Factor or a Catalyst for Imbalance? On the Issue of the Introduction of the Institution of “Neutral Arbiter Power” into the Constitutional System of Law-governed States and into the Management System of the Orthodox Church] // Ermilov P.V. and M.V.Gratsiansky, eds. *Ponjatie perven-*

stva: Istoki i konteksty [The Concept of Primacy: Origins and Contexts]. Moscow: Izd-vo PSTGU. (In Russ.)

Sajó A. (2001) *Samoogranichenie vlasti: Kratkij kurs konstitutsionalizma* [Limiting Government: An Introduction to Constitutionalism]. Moscow: Jurist. (In Russ.)

Sajó A. and R.Uitz. (2021) *Konstitutsija svobody: Vvedenie v juridicheskiy konstitutsionalizm* [The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism]. Moscow: Institut prava i publichnoj politiki. (In Russ.)

Schmitt C. (2010) “Uchenie o konstitutsii (fragment)” [Verfassungslehre (Fragment)] // Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaja forma* [The State and the Political Form]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Shablinskij I.G. (2020) “Formy pravlenija v Finljandii: evoljutsija i istoricheskij kontekst” [Forms of Government in Finland: Evolution and Historical Context] // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], no. 5: 21—34. (In Russ.)

Slezhenkov V.V. (2020) “Poluprezidentskaja (smeshannaja) respublika: istoricheskie korni i problemnye aspekty terminologii (opyt frantsuzskoj politiko-pravovoj nauki)” [Semi-Presidential (Mixed) Republic: Historical Roots and Problematic Aspects of Terminology (Experience of French Politico-Legal Science)] // *Advances in Law Studies*, vol. 7, no. 4: 16—20. (In Russ.)

Strashun B.A., ed. (1999) *Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: V 4-kh t.* [Constitutional (State) Law of Foreign Countries: In 4 vol.]. Vol. 1—2. Moscow: BEK. (In Russ.)

Tebaev D.B. (2023) *Konstitucionno-pravovoj status vysshego dolzhnostnogo litsa Respubliki Kazakhstan* [Constitutional and Legal Status of the Highest Official of the Republic of Kazakhstan]. Abstract of Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Varnavskij A.G. (2010) “Smeshannaja (poluprezidentskaja) forma gosudarstvennogo pravlenija: prichiny i uslovija stanovlenija, faktory transformatsii v sovremennykh uslovijakh” [Mixed (Half-Presidential) Form of State Government: Establishment Purposes and Conditions, Factors of Transformation under Modern Conditions] // *Sotsial'no-ekonomicheskie javlenija i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], no. 4: 102—106. (In Russ.)

Virt N.F. (2023) “Germanskij protestantizm i religioznye aspekty Vejmarskoj konstitutsii 1919 goda” [German Protestantism and Religious Aspects of the 1919 Weimar Constitution] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sotsiologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 3: 59—65. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2023/03/2023-03-08.pdf> (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Weber M. (1990) “Politika kak prizvanie i professija” [Politik als Beruf] // Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow: Progress: 644—706. (In Russ.)

Weber M. (2016) *Khodzajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Weber M. (2003a) “Parlament i pravitel'stvo v novoj Germanii” [Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 107—299. (In Russ.)

Weber M. (2003b) “Budushchaja gosudarstvennaja forma Germanii” [Deutschlands künftige Staatsform] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 343—393. (In Russ.)

Weber M. (2003c) “Rejkhsprezident” [Der Reichspräsident] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 399—403. (In Russ.)

Wilson W. (1917) *Constitutional Government in United States*. New York: Columbia University Press.

Yudin G. (2021) “Rossija kak plebistsitarnaja demokratija” [Russia as a Plebiscitary Democracy] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 20, no. 2: 9—47. URL: <https://typeset.io/pdf/russia-as-a-plebiscitary-democracy-4j9omlu3dj.pdf> (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Zaznaev O.I. (2007) “Parlamentarizatsija poluprezidentskoj sistemy (na primere Finljandii) [The Parliamentarization of Semi-Presidential System (the Case of Finland)] // *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Kazan University], vol. 149, issue 3: 100—111. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_250524448/149_3_gum_7.pdf (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Zorkin V.D. and L.V.Lazarev, eds. (2009) *Kommentarij k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: EKSMO. (In Russ.)